

19080

"Современный мир"
1908. №1

Задаев

Чаадаевъ.

(М. Гершензонъ.—П. Я. Чаадаевъ.—Жизнь и мышление.—С.-Петербургъ, 1908).

Это интересная книга. Она даетъ даже больше, чѣмъ объ-
щаетъ. Въ ней заключается не только очеркъ жизни и „мысле-
нія“ П. Я. Чаадаева, но также,—въ приложеніяхъ,—его „*фило-
софскія письма*“, его „*Апология сумасшедшаго*“, три письма къ
А. И. Тургеневу; письмо къ Сиркуру и, наконецъ, „письмо къ
неизвестному“. И все это вмѣстѣ взятое,—и очеркъ г. М. Гер-
шензона, и приложенія,—проливаетъ много свѣта на замѣча-
тельную личность П. Я. Чаадаева. Книгу г. Гершензона *долженъ*
прочитать всякій, кого интересуетъ историческое развитіе рус-
ской общественной мысли.

Но прочитать дѣльную книгу еще не значитъ во всемъ согла-
ситься съ ея авторомъ. Что касается насъ, то наша оцѣнка
взглядовъ П. Я. Чаадаева во многомъ расходится съ тою, кото-
рая дана г. Гершензономъ. И намъ хочется здѣсь же высказать,
въ чемъ именно мы расходимся съ этимъ послѣднимъ.

Г. М. Гершензонъ говоритъ, что по разнымъ причинамъ имя
Чаадаева стало достояніемъ легенды: „онъ, рѣшительно осуждав-
шій все то, чѣмъ наиболее дорожила въ себѣ наша передовая
интеллигенція—ея исключительно позитивное направленіе и поли-
тическое революціонерство,—былъ зачисленъ въ синодикъ рус-
скаго либерализма, какъ одинъ изъ славнѣйшихъ дѣятелей
нашего освободительнаго движенія“ (ст. 1). Это недоразумѣніе
началось еще при жизни П. Я. Чаадаева, который, по замѣчанію
г. Гершензона, былъ слишкомъ тщеславенъ, чтобы отклонять
незаслуженные лавры и въ то же время достаточно уменъ, чтобы
понимать имъ цѣну. На самомъ дѣлѣ Чаадаевъ былъ не полити-
комъ, а мистикомъ. Таково заключеніе, къ которому приходитъ
въ своей книгѣ г. Гершензонъ.

Но если это такъ, то какъ же возникла и чѣмъ поддержива-
лась разрушаемая нашимъ авторомъ легенда? Какимъ образомъ
могло такъ долго существовать недоразумѣніе, которое г. Гер-
шензонъ называетъ чудовищнымъ?

Отвѣты, даваемые г. Гершензономъ на эти вопросы кажутся
намъ совершенно неудовлетворительными. Онъ говоритъ: здѣсь
сказалась смутная догадка о большей, чѣмъ политическая, о
вѣчной истинѣ, о той внутренней свободѣ, для которой внѣшняя
и, значитъ, политическая свобода—правда, только подножье, но
столь же естественно необходимое, какъ воздухъ для жизни.
Нѣтъ лозунга болѣе освободительнаго—даже политически—чѣмъ
призывъ: *sursum corda*. Въ этомъ смыслѣ Чаадаевъ, немолчно
твердившій о высшихъ задачахъ духа, создавшій одно изъ глу-
бочайшихъ историческихъ обобщеній, до которыхъ додумался
человѣкъ, достоинъ памяти потомства“ (ст. 1—2)

Остановимся пока на этомъ. Во-первыхъ, что значитъ: „исклю-
чительно позитивное направленіе“? То ли это направленіе, ко-
торое чуждо всякаго религіознаго элемента? Если—да, то при-
дется сказать, что, напримѣръ, многіе изъ декабристовъ совсѣмъ
не принадлежали къ этому направленію. Но развѣ же слѣдуетъ
изъ этого, что ошибочно было бы относить этихъ декабристовъ
къ числу дѣятелей нашего освободительнаго движенія. Далѣе.
Всѣ ли дѣятели нашего освободительнаго движенія отличались
„политическимъ революціонерствомъ“? Нѣтъ, конечно, не всѣ!
Между ними были люди, стремившіеся къ политической свободѣ,
но въ то же время чуждавшіеся „революціонерства“, и точно
такъ же между ними были люди весьма склонные къ „револю-
ціонерству“, но чуждавшіеся *политики*. Стало быть, въ ту-
то опредѣленіе, даваемое г. Гершензономъ, оказывается слишкомъ
узкимъ, т. е. *неправильнымъ*. Пойдемъ еще дальше. „Призывъ;
sursum corda“ на болѣе знакомомъ русскому читателю древне-
славянскомъ языкѣ выражается словами: „*горѣ и мамы сердца*“!
И вотъ мы спрашиваемъ: дѣйствительно ли этотъ призывъ имѣетъ
освободительный характеръ „даже политически“? Намъ слѣдуетъ,
что—нѣтъ. Указываемый г. Гершензономъ призывъ слишкомъ
неопредѣленъ для того, чтобы можно было вложить въ него
„даже политическое“ содержаніе. Все дѣло въ томъ, на какой
манеръ люди „имѣютъ горѣ сердца“. Человѣкъ можетъ имѣть
„сердце горѣ“ и быть убѣжденнымъ противникомъ политической
да и всякой другой свободы. Г. Гершензонъ скажетъ, пожалуй
что такой человѣкъ еще не знаетъ, что такое собственно есть
настоящее „*sursum corda*“. Но въ томъ-то и дѣло, что намъ, про-

Дол. Мещеряковъ

стѣмъ смертнымъ, не озареннымъ никакой сверхъ-естественной благодатью, и невозможно узнать это съ достовѣрностью. Тѣ „вѣчныя истины“, къ разряду которыхъ принадлежитъ истина, упоминавшая г. Гершензономъ, вообще очень — спорныя „истины“. И недостаточно „не только твердить о выспихъ задачахъ духа“, чтобы стать достойнымъ памяти потомства“. Тутъ нужно нѣчто иное. И ужь во всякомъ случаѣ у Чаадаева есть другія и гораздо болѣе серьезныя заслуги передъ нашимъ освободительнымъ движеніемъ, кромѣ его мистическихъ увлеченій. Если, напри- мѣръ, Герценъ относился съ большимъ сочувствіемъ къ Чаадаеву, то это происходило, конечно, не потому, что Чаадаевъ былъ мистикомъ.

Описавъ впечатлѣніе, произведенное на Герцена первымъ, — единственнымъ, пользующимся извѣстностью, — „философскимъ письмомъ“ Чаадаева, г. Гершензонъ замѣчаетъ: „Очевидно, настроеніе автора совпадало съ настроеніемъ читателя, и читатель даже не заподозрѣлъ, что настроеніе автора обусловлено совѣмъ иными причинами, нежели его собственное. Герценъ говоритъ: „Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь“; да, но Герценъ, не справившись, кто и въ кого стрѣляетъ, мгновенно рѣшилъ, что это — союзникъ, и что выстрѣлъ направленъ въ общаго врага. А общаго только и было, что настроеніе; боль и упрекъ“ (стр. 142).

Стало бытъ, *настроеніе*-то было все-таки *общее*? Если такъ, то понятно и впечатлѣніе, произведенное авторомъ на читателя. Вѣдь такъ и всегда бываетъ: читатели сочувствуютъ тѣмъ авторамъ, настроеніе которыхъ соотвѣтствуетъ ихъ настроенію. И никакого „чудовищнаго недоразумѣнія“ тутъ нѣтъ. Правда, настроеніе, свойственное въ данномъ случаѣ и автору и читателю, вызывалось у каждаго изъ нихъ, по словамъ г. Гершензона, совершенно различными причинами. Но такъ ли это? Не ошибается ли здѣсь г. Гершензонъ? По нашему — очень ошибается. Въ самомъ дѣлѣ, интересующее насъ настроеніе вызвано было не чѣмъ инымъ, какъ *отрицательнымъ отношеніемъ къ тогдашней російской действительности*. И это отношеніе было свойственно Чаадаеву въ такой же мѣрѣ, какъ и Герцену. И именно потому сочувствіе Герцена Чаадаеву было не „мгновеннымъ“, а постояннымъ. Вопреки мнѣнію г. Гершензона, у нихъ обоихъ былъ *общій врагъ*, въ котораго каждый изъ нихъ „стрѣлялъ“ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. И когда одинъ дѣлалъ мѣткій выстрѣлъ, другой не могъ не радоваться, не могъ не рукоплескать ему.

Такъ и поступилъ Герценъ, прочитавъ „философическое письмо“. Гдѣ же здѣсь „недоразумѣніе“.

Когда Герценъ лично познакомился, впоследствии, съ Чаадаевымъ, онъ, разумѣется, увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ мистикомъ. Но это не помѣшало ему считать себя его единомышленникомъ въ томъ, что касалось тогдашней нашей дѣйствительности. И таково же было, вѣроятно, отношеніе къ Чаадаеву другихъ, современныхъ ему участниковъ освободительнаго движенія: несмотря на его мистицизмъ, они видятъ достаточное основаніе считать его человекомъ одного съ ними лагеря.

Г. Гершензонъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей книги: „Письма Чаадаева за послѣднія пятнадцать лѣтъ его жизни показываютъ его намъ всецѣло поглощеннымъ борьбою съ славянофильствомъ. Онъ говоритъ о немъ всегда, по всякому поводу и совѣмъ безъ повода, во всѣхъ тонахъ, отъ трагическаго и кончая шутливымъ. Пишетъ-ли онъ Шеллингу, — его высипренная рѣчь подчасъ сбивается на жалостное повѣствованіе объ этомъ „умственномъ кризисѣ“, объ этомъ „пагубномъ ученіи“ русскихъ націоналистовъ. По поводу Шевыревскаго курса исторіи русской литературы онъ пишетъ Сиркуру пространное письмо, гдѣ тонко отточеннымъ сарказмомъ препарируетъ всю нелѣпость славянофильскаго ученія, какъ студентъ-медикъ мускулатуру руки. Нѣтъ надобности цитировать эти письма: въ нихъ нѣтъ ничего существенно-новаго; Чаадаевъ скорбитъ о національномъ самообманѣ, высмѣиваетъ *ретроспективную утопію* славянофиловъ, ихъ пренебрежительное отношеніе къ западной Европѣ и проч... Однако, главной мишенью его нападокъ были не историческія ошибки и не реакціонныя вожделѣнія славянофиловъ, его ужасала больше всего та атмосфера національнаго самодовольства, въ которую они погрузили общество. Онъ, любившій въ Россіи только ея будущее, т. е. ея возможный прогрессъ, не могъ безъ боли смотрѣть на эту духовную сытость, въ корнѣ враждебную всякому прогрессивному движенію и искажавшую народный характеръ. Это настроеніе умовъ кажется ему смертельной болѣзью, грозящей подкосить всю будущность русскаго народа, и онъ не устаегъ слѣдить за ея проявленіями, за ея гибельнымъ дѣйствіемъ на все общество въ цѣломъ и на отдѣльныхъ членовъ его“ (стр. 176—177).

Чего же Вамъ еще, г. Гершензонъ? Вѣдь вы же сами очень убѣдительно доказываете, что вы не правы, т. е. что между Чаадаевымъ и передовыми людьми того времени было очень много общаго во взглядахъ. Чаадаевъ, по вашимъ собственнымъ сло-

вамъ, былъ убѣжденнымъ *западникомъ* и *прогрессистомъ*. Этого совершенно достаточно.

Мало сказать, что Чаадаевъ былъ западникомъ. Надо прибавить къ этому, что онъ явился въ своемъ первомъ „философическомъ письмѣ“ едва-ли не самымъ яркимъ выразителемъ той страшной боли, какую вызывала въ нашихъ западникахъ наша печальная дѣйствительность и наша мрачная исторія. Первое „философическое письмо“ его есть въ своемъ родѣ высоко-художественное произведеніе, значеніе котораго до сихъ поръ еще не опѣнено во всей его полнотѣ. О немъ безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что оно написано кровью сердца. Спора нѣтъ: мистическая,—или какъ вѣрнѣе будетъ сказать въ данномъ случаѣ,—теологическая точка зрѣнія автора даетъ себя чувствовать и въ этомъ письмѣ. Главной причиной, породившей наше мрачное прошлое и наше не менѣе мрачное настоящее является въ глазахъ Чаадаева тотъ фактъ, что христіанство пришло къ намъ изъ Византіи.

„Повинуясь нашей злой судьбѣ,—говоритъ онъ,—мы обратились къ жалкой, презираемой всѣми Византіи за тѣмъ нравственнымъ уставомъ, который долженъ былъ лечь въ основу нашего воспитанія. Волею одного честолюбца (т. е. патріарха Фотія Г. П.), эта семья народовъ только-что была отторгнута отъ всемірнаго братства, и мы восприняли, слѣдовательно, идею, искаженную человѣческой страстью. Въ Европѣ все одушевляло тогда животворный принципъ единства. Все исходило изъ него и все сводилось къ нему... Непричастные этому чудотворному началу, мы сдѣлались жертвою завоеванія“. Большинство дѣятелей нашего освободительнаго движенія отказалась бы признать религію самымъ главнымъ „факторомъ“ историческаго развитія человѣчества. Но что изъ этого? Уже строки, непосредственно слѣдующія за только что приведенными, опять напоминали бы и этому большинству о близкомъ родствѣ его воззрѣніи съ воззрѣніями Чаадаева. Въ самомъ дѣлѣ, „Письмо“ продолжаетъ: „Когда же мы свергли чужеземное иго, только наша оторванность отъ общей семьи мѣшала намъ воспользоваться идеями, возникшими за это время у нашихъ западныхъ братьевъ, мы поддали еще болѣе жестокому рабству, освященному, притомъ, фактомъ нашего освобожденія“. Славянофилы никогда не согласились бы назвать порядокъ, господствовавшій въ Московской Руси, рабствомъ еще болѣе жестокимъ нежели монгольское иго. Читая „философическое письмо“, тогдашній западникъ не могъ увидѣть въ его авторѣ своего единомышленника по вопросу, который былъ тогда

очереднымъ для русской интеллигенціи: по вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на отношеніе Россіи къ западу. „Письмо“ категорически отвѣчало на этотъ очередной вопросъ: наша оторванность отъ запада является для насъ источникомъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. „Весь міръ перестраивался заново,—говоритъ Чаадаевъ,—а у насъ ничего не создано; мы по прежнему прозябали, забившись въ свои лачуги, сложенные изъ бревенъ и соломы. Словомъ, новыя судьбы человѣческаго рода совершались помимо насъ“. Справедливость этого долженъ былъ признать всякій западникъ, совершенно независимо отъ того, какъ смотрѣлъ онъ на роль религіи въ культурномъ развитіи человѣчества. Извѣстно замѣчаніе одной свѣтской французской дамы на счетъ книги Гельвеція „*De l'Esprit*“. Въ этой книгѣ Гельвецій, по словамъ этой дамы „a dit le secret de tout le monde“. Свѣтская дама ничего не поняла въ книгѣ знаменитаго матеріалиста. Но о первомъ „философическомъ письмѣ“ можно съ полнымъ правомъ сказать, что въ немъ Чаадаевъ громко, ясно и высоко-художественно выразилъ то, что болѣе или менѣе сильно чувствовали и болѣе или менѣе отчетливо сознавали всѣ люди западнаго лагеря. Чаадаевъ явился ихъ общимъ выразителемъ, лирическимъ поэтомъ западничества. Потому онъ и привлекъ къ себѣ ихъ общія симпатіи, между тѣмъ какъ славянофилы увидѣли въ его „письмѣ“ нѣчто глубоко преступное. Не даромъ Языковъ писалъ, впоследствии, обращаясь къ нему:

Почтенныхъ предковъ сынъ ослушный,
Всего чужого гордый рабъ!
Ты все свое презрѣлъ и выдалъ,
И ты еще не сокрушенъ...

По поводу этихъ грозныхъ виршей Языкова г. Гершензонъ замѣчаетъ: „Легко поклясть, какъ нелѣпо должно было казаться это обвиненіе человѣку, писавшему, что любовь къ отечеству прекрасная вещь, но есть нѣчто еще болѣе высшее, именно—любовь къ истинѣ“ (стр. 174). Это замѣчаніе кажется намъ тоже не вполне удачнымъ. Въ этомъ случаѣ совсѣмъ нельзя противопоставлять любовь къ отечеству любви къ истинѣ. Невозможно—по той простой причинѣ, что „Письмо“,—какъ и все вообще западничество Чаадаева,—пропитано самой очевидной и самой горячей любовью къ родной странѣ. „Письмо“ было написано человѣкомъ, къ которому всецѣло могутъ быть отнесены слова поэта:

Видѣлъ, имѣющій очи,
И за отчизну болѣлъ.

Чаадаевъ, въ своей „Апологии сумасшедшаго“, такъ характеризуетъ свое отношеніе къ родинѣ: „Больше, чѣмъ кто либо изъ васъ, повѣрьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умѣю цѣнить высокія качества моего народа; но вѣрно и то, что патриотическое чувство, одушевляющее меня, не совсѣмъ похоже на то, чьи крики нарушили мое спокойное существованіе и снова выбросили въ океанъ людскихъ тревоженій мою ладью, приставшую было у подножья креста. Я не научился любить свою родину съ закрытыми глазами, съ преклоненной головой, съ замкнутыми устами. Я нахожу, что человѣкъ можетъ быть полезенъ своей странѣ только въ томъ случаѣ, если ясно видитъ ее; я думаю, что время слѣпыхъ влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родинѣ истиной. Я люблю мое отечество, какъ Петръ Великій научилъ меня любить его“. Какъ видите, любовь къ истинѣ не противопоставляется Чаадаевымъ любви къ родинѣ, а изображается, какъ элементъ, опредѣляющій и направляющій эту любовь; что же касается словъ: я люблю мое отечество, какъ Петръ Великій научилъ меня любить его, то они заставляютъ вспомнить Н. Г. Чернышевскаго, который, въ своихъ „очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“, говоритъ, что русскій долженъ быть патриотомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ имъ Петръ Великій. Уже изъ этого отношенія къ Петру Великому видно, какъ много было въ общественныхъ взглядахъ Чаадаева точекъ соприкосновенія со взглядами самыхъ передовыхъ изъ нашихъ западниковъ. Наконецъ, самъ же г. Гершензонъ приводитъ справедливое замѣчаніе Вяземскаго о томъ, что „письмо Чаадаева—не что иное, въ сущности своей, какъ отрицаніе той Россіи, которую съ подлинника списалъ Карамзинъ“, т. е.—поясняетъ г. Гершензонъ,—основанной на трехъ уваровскихъ началахъ“ (стр. 143). Откуда же взялъ, послѣ этого, нашъ авторъ свое „чудовищное недоразумѣніе?“ Это прямо непонятно!

Мы ни на минуту не забываемъ того, что въ томъ же своемъ „Письмѣ“ Чаадаевъ высказываетъ отрицательное отношеніе къ политической попыткѣ декабристовъ. По его словамъ, эта попытка была „громаднымъ несчастьемъ, отбросившимъ насъ на полвѣка назадъ“. Однако такой взглядъ на нее доказываетъ только то, что онъ не былъ политическимъ революціонеромъ. Мы же сказали выше, что политическими революціонерами не были очень многіе изъ участниковъ нашего освободительнаго движенія; значитъ, отношеніе Чаадаева къ названной попыткѣ,—равно какъ и его отношеніе къ революціонному движенію 1830 г.,—еще не подтверждаетъ мысли г. Гершензона. А кромѣ того надо помнить, что

въ своемъ первомъ письмѣ Чаадаевъ выступалъ лирическимъ поэтомъ русскаго западничества, а о поэтахъ Foscolo вѣрно сказалъ, что даже когда они учатъ терпѣнію, они растравляютъ раны сердца, потому что сильно потрясаютъ его. Осуждая „политическое революціонерство“, Чаадаевъ въ извѣстномъ смыслѣ „училъ терпѣнію“. Но, даже „уча терпѣнію“, онъ страшно потрясалъ сердца людей, стремившихся завоевать для своей страны лучшее будущее. И они не переставали видѣть въ немъ своего единомышленника, причемъ и самъ Чаадаевъ врядъ-ли *только по тщеславію* не пытался разубѣдить ихъ на этотъ счетъ.

Кара, постигшая Чаадаева, явилась какъ бы новымъ доводомъ въ пользу того взгляда на Россію, который выраженъ былъ въ „философическомъ письмѣ“. Герценъ сказалъ гдѣ-то,—кажется въ „Быломъ и Думахъ“,—что, конечно, и на Западѣ существовалъ деспотизмъ, но все таки тамъ никому не приходило въ голову высѣчь Спинозу или отдать въ солдаты Лессинга. У насъ же непременно сдѣлали бы и то, и другое. У насъ сдѣлали,—если это можно,—еще лучше: у насъ объявили сумасшедшимъ человѣка, позволившаго себѣ рѣзко разойтись съ официальнымъ взглядомъ на Россію. И это жестокое издѣвательство сдѣлало изъ Чаадаева мученика западнической идеи. Онъ явился жертвой нашего,—*идейнаго*,—освободительнаго движенія, и потому естественно, что его имя было записано въ то, что г. Гершензонъ называетъ нашимъ *синодикомъ*.

Довлѣетъ днѣви злоба его! Въ настоящее время дѣйствительно только по недоразумѣнію можно было бы отнести человѣка, проповѣдующаго мистицизмъ, къ числу участниковъ освободительнаго движенія. Въ настоящее время мистикъ, даже искренно сочувствующій свободѣ и готовый ради нея на „активные выступленія“, принесъ бы ей дѣлу гораздо больше вреда, нежели пользы. Въ настоящее время истинный,—т. е. *неполовинчатый*,—служитель прогресса долженъ прежде всего очистить свое міросозерцаніе отъ всѣхъ пережитковъ устарѣлыхъ міросозерцаній: въ противномъ случаѣ *неясность* его *идей* непременно приведетъ его къ *неплодотворности въ дѣйствіяхъ*. А въ эпоху Чаадаева,—когда такъ страшно узка, а отчасти и совсѣмъ недоступна для мыслящаго человѣка, была область практическаго дѣйствія,—жизнь еще не требовала отъ передовыхъ людей такой строгой послѣдовательности въ мысляхъ, и потому тогда даже мистики могли,—подобно Чаадаеву,—служить свою службу освободительному движенію. Довлѣетъ днѣви злоба его!

Да и то сказать: преобладающей чертой въ міросозерцаніи

Чаадаева является не мистицизмъ, а именно очень повышенная требовательность по отношенію къ окружающей его дѣйствительности. Г. Гершензону дѣло представляется иначе, но тотъ же г. Гершензонъ опять даетъ въ своей интересной книгѣ матеріалъ, показывающій, что отъ г. Гершензона, ошибается.

Въ самомъ дѣлѣ, когда совершилось „обращеніе“ Чаадаева? По свидѣніямъ, сообщаемымъ г. Гершензономъ, выходитъ, что — „около 1820 года“ (стр. 34). Хорошо. А каковы были раньше того взгляды Чаадаева? Г. Гершензонъ говоритъ, что раньше того „центральнымъ пунктомъ его міровоззрѣнія былъ общественный интересъ“, и что „единственнымъ достойнымъ приложеніемъ силъ, для патріота онъ считалъ то самое, въ чемъ видѣли свой долгъ декабристы“ (стр. 17). И на той же страницѣ г. Гершензонъ приводитъ, изъ письма Чаадаева къ своему брату, отрывокъ, показывающій, что это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Въ этомъ отрывкѣ рѣчь идетъ объ испанской революціи; Чаадаевъ пишетъ (25 мая 1820 года); „Еще одна большая новость—этой новостью полонъ весь міръ: испанская революція кончена, король принужденъ подписать конституціонный актъ 1812 г. Цѣлый народъ возсталъ, въ три мѣсяца разыгрывается до конца революція,—и ни капли крови пролитой, никакой рѣзни, ни потрясеній, ни излишествъ, вообще ничего, что могло бы осквернить это прекрасное дѣло, — что ты объ этомъ скажешь? Вотъ разительный аргументъ въ дѣлѣ революцій, осуществленный на практикѣ!“ Такъ писать могъ только человѣкъ, всѣмъ сердцемъ сочувствовавшій освободительному движенію. Теперь спрашивается: что собственно привело Чаадаева къ мистицизму? На этотъ вопросъ г. Гершензонъ отвѣчаетъ очень неопредѣленно, да едва-ли и есть какая-нибудь возможность дать на него опредѣленный отвѣтъ. Извѣстно только то, что уже послѣ своего „обращенія“ Чаадаевъ, по чьему-то совѣту, прочиталъ сочиненія Штиллинга, и что эти сочиненія „вызвали въ немъ тяжелый душевный кризисъ“ (стр. 34). Но вотъ что достойно замѣчанія. „За эти два года, — говоритъ г. Гершензонъ, — отъ выхода въ отставку до отъѣзда за границу, Чаадаевъ чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ... Чаадаевъ, повидимому, отъ природы страдалъ крайней нервной раздражительностью, а подъ вліяніемъ болѣзни и нравственныхъ страданій, обусловленныхъ отставкою и другими, вѣроятно, чисто духовными причинами, въ немъ развилась такая мнительность и такая неустойчивость настроеній, которые дѣлали его настоящимъ мученикомъ“ (стр. 35). Въ письмѣ къ брату изъ Лондона отъ ноября 1823 г. самъ Чаадаевъ такъ характеризуетъ

свое болѣзненное состояніе: „Мое нервическое расположеніе—говорю это краснѣя—всякую мысль превращаетъ въ ощущеніе, до такой степени, что вмѣсто словъ у меня каждый разъ вырывается либо смѣхъ, либо слезы, либо жестъ“. Въ другомъ письмѣ (отъ апрѣля 1824 г.) онъ пишетъ: „Признаюсь,—хотя я знаю, что ты не очень вѣришь признаніямъ,—нервность моего воображенія дѣлаетъ то, что я часто обманываюсь насчетъ собственныхъ ощущеній и принимаю смѣшно оплакивать свое состояніе“ (та же стр.). Приводимыя г. Гершензономъ выписки изъ дневника Чаадаева производятъ до послѣдней степени тяжелое впечатлѣніе; кажется, что это записки человѣка, пораженнаго полнымъ психическимъ расстройствомъ (см. стр. 39—43). И такое состояніе продолжается у Чаадаева очень долго. Даже по возвращеніи изъ-за границы онъ остается „одинокимъ, угрюмымъ нелюдимомъ“ которому „грозитъ помѣшательство и маразмъ“ (стр. 60). По словамъ г. Гершензона, опирающимся на свидѣтельство Д. Давыдова, Чаадаевъ впоследствии признавался гр. Строганову, что писалъ свое „философическое письмо“ во время сумасшествія, „въ припадкахъ котораго онъ посягалъ на собственную жизнь“ (стр. 60). Конечно, мы беремъ это свидѣтельство *cum grano salis*; но все-таки мы не можемъ не принять его въ соображеніе. Сопоставленное съ другими данными, оно убѣждаетъ насъ, что *увлеченіе мистицизмомъ было у Чаадаева плодомъ нервной болѣзни*, вызванной, отчасти, можетъ быть, органическимъ предрасположеніемъ, а главное — тяжелыми впечатлѣніями, полученными отъ окружавшей его среды. И, говоря о средѣ, мы имѣемъ въ виду *не только нашу русскую дѣйствительность*, заставившую впоследствии молодого Герцена спрашивать себя въ своемъ „Дневникѣ“: „зачѣмъ мы проснулись?“ Нѣтъ, въ то время, къ которому относится заграничное путешествіе Чаадаева, на западѣ свободолюбивымъ людямъ жилось тоже очень не сладко: это было самое глухое время реакціи, наступившей въ западной Европѣ послѣ того, какъ улеглась буря великой французской революціи. Книжнѣ говорить, что всѣ великіе итальянскіе писатели начала девятнадцатаго вѣка проникнуты пессимизмомъ. Но вѣдь такъ было не въ одной Италіи; достаточно вспомнить Байрона. Правда, на западѣ свободолюбивые люди, говоря вообще, не легко поддавались вліянію мистицизма: тамъ мистика была преимущественно достояніемъ реакціонеровъ. Но это объясняется тѣмъ, что, благодаря большой развитости западно европейскіхъ общественныхъ отношеній, тамъ всегда замѣчается гораздо больше соотвѣтствія между *общественными стремленіями* мыслящихъ

людей и теоретическими основами ихъ міросозерцанія. Кто упускаетъ изъ виду это обстоятельство, тотъ никогда не пойметъ, какимъ образомъ, напримѣръ, въ настоящее время довольно многіе изъ нашихъ „марксистовъ“ (гм! гж!) могутъ увлекаться кантіанствомъ, эмпириомонизмомъ и другими философскими системами, выражающими собою болѣе или менѣе либеральное, — или болѣе или менѣе консервативное, говорите, какъ хотите, — настроеніе нынѣшней западно-европейской буржуазіи. Но объ этомъ распространяться здѣсь неумѣстно. Фактъ тотъ, что Чаадаевъ и на западѣ не могъ тогда найти успокоенія для своей больной души. А онъ не могъ не искать его; и чѣмъ старательнѣе онъ его искалъ, тѣмъ беззащитнѣе онъ становился по отношенію къ мистицизму. Мистицизмъ былъ для него тѣмъ же, чѣмъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ служитъ водка многимъ и многимъ „російскимъ“ людямъ: средствомъ, ведущимъ къ забвенію. Но водка не устраняетъ тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ нравственные страданія пьющаго. Подобно этому и мистицизмъ не могъ дать Чаадаеву то удовлетвореніе, которое могло быть найдено имъ только въ общественной дѣятельности. И именно потому, что мистицизмъ не могъ удовлетворить стремленіе Чаадаева къ общественной дѣятельности, это стремленіе придавало весьма своеобразный оттѣнокъ его мистицизму.

Общественный интересъ не рѣдко выступаетъ на первый планъ даже въ религиозныхъ разсужденіяхъ Чаадаева. Въ своемъ первомъ „философическомъ письмѣ“ онъ говоритъ: „въ христіанскомъ мірѣ все необходимо должно способствовать — и дѣйствительно способствуетъ — установленію совершеннаго строя на землѣ; иначе не оправдалось бы слово Господа, что онъ пребудетъ въ церкви своей до скончанія вѣка“. Это какъ нельзя болѣе характерно для Чаадаевского мистицизма. Сравните этотъ мистицизмъ хотя бы съ религиознымъ міросозерцаніемъ гр. Толстого, и вы увидите, что само по себѣ увлеченіе религіей еще не опредѣляетъ настроенія человѣка. У Чаадаева мистицизмъ оправдываетъ заботу объ „установленіи совершеннаго строя на землѣ“, а у Толстого религія твердитъ: „царство божіе внутри васъ“, и поворачивается спиною ко всѣмъ общественнымъ стремленіямъ своего времени. А онъ тоже „горѣ имѣетъ сердце“. Мистицизмъ Чаадаева совсѣмъ не похожъ на религиозность Толстого. Это, надѣмся не откажется признать и г. Гершензонъ, называющій мистицизмъ Чаадаева *соціальнымъ* мистицизмомъ. Намъ кажется, что вѣрнѣе было бы назвать его *мистицизмомъ на почвѣ не-*

удовлетвореннаго стремленія внести осмысленность въ окружающую жизнь.

Но если таковъ былъ этотъ мистицизмъ, то ясно, что автора „философическихъ писемъ“ не только можно, но и должно было причислять къ дѣятелямъ нашего освободительнаго движенія.

Это какъ будто признаетъ въ концѣ концовъ и г. Гершензонъ; но, во-первыхъ, онъ признаетъ это съ недопустимыми оговорками; а во-вторыхъ — онъ не замѣчаетъ, что это кореннымъ образомъ противорѣчитъ его же мысли о томъ, что дѣятели нашего освободительнаго движенія лишь по чудовищному недоразумѣнію считали Чаадаева своимъ. Онъ говоритъ; „при томъ направленіи, которое приняли мысли Чаадаева съ начала 20-хъ годовъ, общественные интересы, конечно, должны были отойти для него на второй планъ; но заглухнуть совсѣмъ они не могли. Вся психика Чаадаева коренилась въ почвѣ Александровскаго времени и до его зрѣлыхъ лѣтъ питалась тѣми самыми соками, которые возрастили дѣятелей 14 декабря. Люди его поколѣнія, его друзья и сверстники, знали одну страсть, имѣли одну жизненную цѣль — общественность, и мы видѣли, таковъ былъ въ петербургскій періодъ своей жизни и Чаадаевъ. Онъ остается такимъ всю жизнь, и все, что онъ сдѣлаетъ, будетъ имѣть своимъ объектомъ не личность, а общество. Не замерло въ немъ гражданское чувство и тогда, когда онъ весь отдался религиозному исканію: этому порукой его продолжительное сожителство за границей съ Н. Н. Тургеневымъ, типичнымъ однодумцемъ освободительнаго движенія“ (стр. 61). Прекрасно! Но вѣдь если человѣкъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, всегда имѣетъ въ виду общество, то можно-ли сказать, что общественные интересы отошли для него на второй планъ? По здравому разсужденію — нѣтъ. И самъ же г. Гершензонъ спѣшитъ сообщить фактъ, рѣшающій этотъ спорный вопросъ въ самомъ опредѣленномъ смыслѣ, такъ сказать, не давая ни малѣйшаго повода для кассации. Вотъ этотъ фактъ. Свербеевъ разсказываетъ, что, встрѣтившись съ нимъ во время своихъ заграничныхъ странствованій, — т. е. во время самаго сильнаго своего увлеченія мистицизмомъ, Чаадаевъ такъ отзывался о тогдашнемъ нашемъ положеніи: „Онъ не скрывалъ въ своихъ рѣзкихъ выходкахъ глубочайшаго презрѣнія ко всему нашему прошедшему и настоящему и рѣшительно отчаявался въ будущемъ. Онъ обзывалъ Аракчеева злодѣемъ, высихъ властей военныхъ и гражданскихъ — взяточниками, дворянъ — подлыми холопами, духовныхъ — невѣждами, все остальное коснѣющимъ и пресмыкающимся въ рабствѣ“ (стр. 61). Человѣкъ, у котораго общественные интересы отошли бы на вто-

рой планъ, такъ говорить не сталъ бы. Нѣтъ тутъ даже въ передачѣ другого лица слышится горячее чувство человѣка, интересующагося *прежде всего* общественными вопросами. Это какъ разъ то чувство, которое нашло себѣ исходъ въ первомъ „философическомъ письмѣ“ и которое сдѣлало это письмо похожимъ на грозную обличительную проповѣдь революціонера.

Г. Гершензонъ спрашиваетъ себя, „время-ли теперь напоминать русскому обществу о Чаадаевѣ?“ и отвѣчаетъ: „Я думаю—да,—и больше, чѣмъ когда нибудь“. Съ своей стороны мы думаемъ, что теперь дѣйствительно очень не мѣшаетъ напомнить читающей публикѣ о Чаадаевѣ. Но соображенія, выдвигаемые по вопросу объ этомъ г. Гершензономъ, кажутся намъ,—признаемся,—весьма, неудачными. Онъ пишетъ: „Всей совокупностью своихъ мыслей онъ (т. е. Чаадаевъ. Г. П.) говоритъ намъ, что политическая жизнь народовъ, стремясь къ своимъ временнымъ и матеріальнымъ цѣлямъ въ дѣйствительности только осуществляетъ частично вѣчную нравственную идею, т. е. что всякое общественное дѣло по существу своему не менѣе религиозно, нежели жаркая молитва вѣрующаго. Онъ говоритъ намъ о социальной жизни: войдите, и здѣсь Богъ; но онъ прибавляетъ: помните же, что здѣсь Богъ, и что вы служите ему“ (стр. IV) Эти соображенія свидѣтельствуютъ болѣе о собственной религиозности г. Гершензона, нежели объ ясномъ пониманіи имъ роли религиознаго „фактора“ въ исторіи человѣчества. Напомнить о Чаадаевѣ полезно теперь не потому, что „и здѣсь Богъ“ и т. п., а потому, что мы переживаемъ теперь періодъ крушенія нѣкоторыхъ преувеличенныхъ общественныхъ ожиданій, а такіе періоды всегда очень благоприятствуютъ распространенію мистицизма. И есть нѣкоторое основаніе думать, что мистическое настроеніе начинаетъ распространяться теперь въ средѣ нашей интеллигенціи, не даромъ же „охотники до споровъ модныхъ“ начинаютъ,—хотя пока еще и съ довольно невиннымъ видомъ,—придумывать новыя, а вѣрнѣе сказать, разогрѣвать старыя,—религіи (см. религиозное откровеніе пророка Луначарскаго въ „Образованіи“). Примѣръ Чаадаева хорошъ тѣмъ, что онъ показываетъ полнѣйшую несостоятельность мистицизма, какъ средства рѣшенія пока еще нерѣшенныхъ жизнью общественныхъ задачъ. Съ этой стороны „жизнь и мышленіе“ Чаадаева особенно поучительны. Жаль только, что эта сторона не получила въ книгѣ г. Гершензона достаточнаго освѣщенія.

Попробуемъ сами освѣтить ее.

Первое „философическое письмо“ Чаадаева проникнуто са-

мымъ полнымъ пессимизмомъ на счетъ исторической судьбы Россіи. „Гдѣ наши мудрецы,—спрашиваетъ онъ тамъ,—наши мыслители? Кто когда-либо мыслить за насъ, кто теперь мыслить? А вѣдь, стоя между двумя главными частями міра, Востокомъ и Западомъ, упираясь однимъ локтемъ въ Китай, другимъ въ Германію, мы должны были бы соединять въ себѣ оба великихъ начала духовной природы: воображеніе и разсудокъ, и совмѣщать въ нашей цивилизаціи исторію всего земного шара. Но не такова роль, опредѣленная намъ провидѣніемъ. Больше того: оно какъ бы совсѣмъ не было озабочено нашей судьбой. Исключивъ насъ изъ своего благотѣльнаго дѣйствія на человѣческой разумъ, оно всецѣло предоставило насъ самимъ себѣ, отказалось какъ бы то ни было вмѣшиваться въ наши дѣла, не пожелало ничему насъ научить. Историческій опытъ для насъ не существуетъ; поколѣнія и вѣка протекли безъ пользы для насъ. Глядя на насъ можно было бы сказать, что общій законъ человѣчества отмѣненъ по отношенію къ намъ. Одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи въ массу идей человѣческихъ, ничѣмъ не содѣйствовали прогрессу человѣческаго разума, и все, что намъ досталось отъ прогресса, мы исказили“. Дальше этого некуда идти въ смыслѣ пессимизма, и неудивительно, что Чаадаевъ приходитъ къ такому заключенію: „Въ нашей крови есть нѣчто, враждебное всякому истинному прогрессу. „Мы жили и продолжаемъ жить лишь для того, чтобы послужить какимъ-то важнымъ урокомъ для отдаленныхъ поколѣній, которыя сумѣютъ его понять; нынѣ же мы, во всякомъ случаѣ, составляемъ пробѣлъ въ нравственномъ міропорядкѣ“. Какъ не безотраденъ этотъ выводъ, но если бы, подъ влияніемъ мистицизма, общественные интересы въ самомъ дѣлѣ отошли у Чаадаева на второй планъ, что онъ подчинился бы волѣ провидѣнія, не пожелавшаго „озаботиться“ нашей судьбою. Гагаринъ, нашедшій успокоеніе въ католицизмѣ, врядъ-ли много задумывался о будущей судьбѣ Россіи. Но въ томъ-то и дѣло, что общественные интересы продолжали стоять у Чаадаева на первомъ планѣ, и что, поэтому, онъ не могъ помириться съ „беззаботностью“ провидѣнія на нашъ счетъ. И вотъ онъ снова и снова возвращается мыслью къ нашему прошлому, пока, наконецъ, не открываетъ въ немъ такой черты, которая сулитъ намъ очень отрадное будущее. И—странно сказать!—этой чертой оказывается та самая изолированность Россіи, которая прежде представлялась Чаадаеву самой главной причиной безплодности нашей

исторіи и наиболѣ убѣдительнымъ доводомъ въ пользу той мысли, что провидѣніе не сочло нужнымъ подумать о насъ.

Впервые новый взглядъ Чаадаева на будущее Россіи былъ высказанъ въ книгѣ Ястребова „*О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначаемыхъ къ образованнѣйшему классу*“. Книга эта вышла въ 1833 г., вторымъ изданіемъ, и въ ней,—по словамъ самого Чаадаева,—страницы, посвященныя возможной будущности Россіи, написаны подъ его диктовку. Г. Гершензонъ такъ передаетъ содержаніе этихъ страницъ.

„Культура, представляя собою плодъ коллективной работы всѣхъ предшествующихъ поколѣній, достается каждому пришельцу даромъ. Поэтому счастливъ народъ, родившійся поздно: онъ наслѣдуетъ всѣ сокровища, накопленныя человѣчествомъ; онъ безъ труда и страданій пріобрѣтаетъ средства матерьяльнаго благосостоянія, средства умственнаго и даже нравственнаго развитія добытыя цѣною безчисленныхъ ошибокъ и жертвъ, и даже самыя заблужденія прошедшихъ временъ могутъ служить ему полезными уроками. Таково положеніе Россіи: она во многихъ отношеніяхъ молода по сравненію съ Европой и, подобно Сѣверной Америкѣ, можетъ даромъ наслѣдовать богатства европейской культуры... Но въ наслѣдствѣ, которое досталось Россіи, истина смѣшана съ заблужденіемъ. Его нельзя принять безъ разбора; необходимо отдѣлить плевелы отъ истиннаго добра и воспользоваться только послѣднимъ. И здѣсь-то главное основаніе нашей патріотической надежды: великая выгода Россіи не только въ томъ, что она можетъ присвоить себѣ плоды чужихъ трудовъ, но въ томъ, что она можетъ заимствовать съ полной свободой выбора, что ничто не мѣшаетъ ей, принявъ доброе, отвергнуть дурное. Народы съ богатымъ прошлымъ лишены этой свободы, ибо прошедшая жизнь народа глубоко вліяетъ на все его существованіе“ (стр. 150—151).

Въ такомъ же духѣ высказывается Чаадаевъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 1832 г. „Пройдетъ немного времени,—говоритъ онъ тамъ,—и, я увѣренъ, великія идеи, разъ достигнувъ насъ, найдутъ у насъ болѣе удобную почву для своего осуществленія и воплощенія въ людяхъ, чѣмъ гдѣ-либо, потому что не встрѣтятъ ни закоренѣлыхъ предразсудковъ, ни старыхъ привычекъ, ни упорной рутинны, которыя противостали бы имъ“.

Наконецъ, та же самая мысль почти буквально повторяется и въ „Апологіи сумасшедшаго“, написанной въ 1837 г. Впрочемъ, тамъ Чаадаевъ нѣсколько опредѣленнѣе выражаетъ то, чего онъ ждетъ отъ Россіи. „У меня есть глубокое убѣжденіе,—прибавляетъ онъ тамъ,—что мы призваны рѣшить большую часть про-

блемъ соціального порядка, завершить большую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ, отвѣтить на важнѣйшіе вопросы, какіе занимаютъ человѣчество“.

Если читатель припомнитъ совсѣмъ еще недавнія разсужденія нашихъ народниковъ и субъективистовъ о возможномъ экономическомъ будущемъ Россіи, то онъ увидитъ, что въ нихъ было очень мало новаго: та же увѣренность въ томъ, что Россія имѣетъ „полную свободу выбора“; то же убѣжденіе въ томъ, что „полная свобода выбора“ является плодомъ нашей отсталости; наконецъ, тѣ же ссылки на Петра Великаго, будто бы показавшаго намъ своимъ примѣромъ, что у насъ въ самомъ дѣлѣ есть эта свобода выбора. Такимъ образомъ получается нѣчто совсѣмъ неожиданное: Чаадаевъ оказывается родоначальникомъ нашего народничества и нашего субъективизма. Г. Гершензонъ такъ и говоритъ: „Мысль Чаадаева просочилась черезъ Герцена въ народничество, чрезъ Соловьева—въ современное движеніе христіанской общественности. О прямомъ заимствованіи не можетъ быть рѣчи ни тамъ, ни здѣсь, но преемственно оба эти движенія во всякомъ случаѣ восходятъ къ ученію Чаадаева“ (стр. 170).

Но если это такъ, то при чемъ же здѣсь та „идея имманентнаго дѣйствія духа Божія въ исторіи человѣчества“ которая составляетъ, по замѣчанію г. Гершензона; „самую сердцевину ученія Чаадаева“ (стр. 144)? Вѣдь ни у Герцена, ни у народниковъ, ни у Н. Михайловскаго и его единомышленниковъ такой идеи не было и въ поминѣ, а между тѣмъ они пришли къ одинаковому выводу съ Чаадаевымъ. Не ясно-ли, что дѣло здѣсь вовсе не въ „идеѣ имманентнаго дѣйствія духа Божія“, а въ чемъ-то другомъ, общемъ Чаадаеву со многими русскими „интеллигентами“, совершенно нераздѣлявшими его мистическихъ взглядовъ. Въ чемъ же другомъ? Да просто на просто въ приемахъ мысли „интеллигента“, не способнаго помириться съ окружающей его дѣйствительностью; стремящагося въ корнѣ передѣлать эту дѣйствительность и... еще не имѣющаго никакого понятія о томъ, что въ развитіи этой дѣйствительности есть своя собственная, объективная логика, не только не зависящая отъ субъективной логики интеллигенціи, но, въ послѣднемъ счетѣ, опредѣляющая собою даже требованія этой субъективной логики какъ съ ихъ сильной, такъ и съ ихъ слабой стороны.

Новый взглядъ Чаадаева на возможное будущее Россіи былъ выработанъ съ помощью тѣхъ самыхъ приемовъ мышленія, которые свойственны были *всѣмъ утопическимъ реформаторамъ*. Утопическіе реформаторы исходили обыкновенно изъ того молча-

ливаго предположенія, что каждая данная страна сама и сознательно опредѣляетъ въ каждое данное время дальнѣйшій ходъ своего развитія. Кто находитъ правильнымъ это положеніе,—представляющее собою лишь разновидность того *идеалистическаго объясненія исторіи*, согласно которому „мнѣнія правятъ міромъ“,—кто признаетъ это положеніе правильнымъ, тотъ весьма естественно умозаключаетъ, что всякая данная отсталая страна имѣетъ полную возможность воспользоваться „урокомъ“ болѣе передовыхъ странъ и, минуя болѣе или менѣе ухабистую дорогу ихъ внутренняго развитія, можетъ нѣсколькими могучими прыжками перескочить въ самое завидное будущее. А вѣдь думать такъ и значитъ считать изолированность данной страны и вообще ея опасность вѣрнѣйшимъ закономъ ея будущаго прогресса.

Еще французскіе энъ-симонисты находили, что Франція можетъ избѣжать англійскаго капитализма, воспользовавшись опытомъ Англии, истолкованнымъ „новой философій“, т. е. ученіемъ тѣхъ же энъ-симонистовъ. Потому нѣмецкіе „истинные социалисты“ стали увѣрять Германію, что ей вовсе не нужно слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру „западныхъ странъ“. Громче долѣе и настойчивѣе всѣхъ другихъ распространялись на эту тему наши народники и субъективисты¹⁾. Само собою разумѣется, что второстепенные и третьестепенные доводы, подкрѣплявшіе это основное положеніе, измѣнялись сообразно экономическимъ и политическимъ особенностямъ той страны, гдѣ оно выдвигалось. Но само это основное положеніе оставалось по своему существу овѣршенно неизмѣннымъ и было лишь переводомъ на языкъ политической экономіи той общей историко-философской мысли, къ которой пришелъ также и Чаадаевъ. Приходя къ этой мысли, Чаадаевъ обнаруживалъ оригинальность развѣ только по сравненію съ тогдашними русскими публицистами. На Западѣ же эта мысль врядъ ли показалась бы кому-нибудь новой.

Но въ высшей степени замѣчательно, что, высказывая эту свою мысль, Чаадаевъ,—по крайней мѣрѣ, съ формальной стороны, т. е. въ смыслѣ приемовъ своего историко-философскаго мышленія,—очень облизался съ тѣми самыми славянофилами, ученія которыхъ онъ такъ не любилъ и борьба съ которыми наполнила собою, какъ мы уже знаемъ, послѣдній періодъ его жизни. Когда славянофилы благословляли нашу „спасительную непод-

¹⁾ Въ интересахъ справедливости прибавимъ, что и Н. Г. Чернышевскій не разъ повторялъ, что „хорошо тому жить, у кого бабушка воровать“, желая сказать этимъ, что хорошо отсталымъ народамъ, имѣющимъ возможность воспользоваться опытомъ передовыхъ.

вижность“, они рассуждали совершенно такъ же, какъ рассуждалъ Чаадаевъ. Болѣе того: надо признать, что въ чаяніяхъ Чаадаева было еще больше элементовъ утопій, нежели въ рассужденіяхъ славянофиловъ, какъ ни дико рассуждали подчасъ эти послѣдніе.

Дѣло въ томъ, что у славянофиловъ уже было болѣе или менѣе смутное сознание того, что различныя стороны общественной жизни связаны между собой такою связью, которая не можетъ быть нарушена, по усмотрѣнію интеллигенціи. Чаадаевъ,—совершенно такъ же, какъ потомъ народники и субъективисты,—не подозрѣвалъ существованія такой связи или же позабывалъ о ней, задумываясь о будущемъ Россіи. Вотъ почему славянофилы были нерѣдко совершенно правы въ своей критикѣ западничества, какъ оно проявилось въ утопіяхъ Чаадаева, народниковъ и субъективистовъ.

И. С. Аксаковъ, смѣшивая народниковъ съ либералами, писалъ, что въ нашей либеральной печати „народъ существуетъ только одною своею, именно экономическою стороною... всѣ же остальные стороны его бытія... все это имъ или ненавистно, или глубоко антипатично и презирается имъ“¹⁾. Это было дѣйствительно такъ или почти такъ. Наши западники,—пока они оставались на только указанной нами утопической точкѣ зрѣнія,—въ самомъ дѣлѣ произвольно брали въ своихъ разсужденіяхъ отдѣльныя стороны народной жизни, наивно воображая, что данная, почему-либо симпатичная имъ сторона можетъ быть уединена отъ вліянія другихъ сторонъ и направлена по пути „нормальнаго“ развитія. Вся трудность заключалась только въ томъ, чтобы придумать для передовой интеллигенціи хорошую программу дѣйствій. Правъ былъ И. С. Аксаковъ и тогда, когда утверждалъ, что „сходство нѣкоторыхъ ученій, занесенныхъ съ Запада, съ бытовыми воззрѣніями русскаго народа“—онъ имѣлъ въ виду русскую общину съ одной стороны и „коммуну“ и „фаланстеръ“—съ другой,—есть чисто внѣшнее сходство. Наконецъ, былъ онъ правъ и тогда, когда указывалъ нашимъ „либераламъ“, что симпатичная имъ *экономическая* сторона нашей народной жизни, т. е. опять-таки поземельная община,—органически связана съ нашимъ политическимъ строемъ. Аргументируя такъ, онъ покидалъ область утопій, изъ которой никакъ не могли тогда выйти наши социалисты народническаго и „субъективнаго“ направленія.

¹⁾ См. сочиненія И. С. Аксакова, томъ II, стр. 621.

Славянофилы раньше западниковъ почувствовали необходимость апелляціи къ внутренней, объективной логикѣ нашего общественнаго развитія. Но эта апелляція привела ихъ туда, куда совсѣмъ не стремились попасть, по крайней мѣрѣ, *первоучители* славянофильства.

Въ августѣ 1862 г. И. С. Аксаковъ писалъ въ своемъ „Днѣ“: „Мы желали бы, чтобы все, непосредственно содѣйствующее нашему *матеріальному* благосостоянію, было главнымъ, если не исключительнымъ предметомъ законодательныхъ заботъ и стремленій, съ одновременнымъ предоставленіемъ простора дѣятельности мысли и головы“.

Въ такой программѣ утопична была только вотъ эта надежда на „предоставленіе простора дѣятельности мысли и головы“. Что же касается ея *экономической* стороны, то идеаль И. С. Аксакова былъ, можно сказать, *дѣйствительностью* слѣдующаго дня. Подъ заботами о матеріальномъ благосостояніи славянофильскій публицистъ понималъ главнымъ образомъ развитіе желѣзно-дорожной сѣти, открытіе новыхъ рынковъ для промышленности, покровительственный тарифъ и т. д. Выдвигая такую программу, наше славянофильство само толкало Россію на тотъ путь капиталистическаго развитія, на которомъ гораздо раньше насъ выступилъ „гнилой“ западъ, и который не могъ не привести къ отрицанію нашей, сталъ дорогой славянофиламъ, самобытности. Обезнародте народъ,—писалъ тотъ же Аксаковъ,—и тогда западничество будетъ имѣть у насъ свой смыслъ, но капитализмъ именно это и дѣлалъ. Онъ разрушалъ нашу старую самобытность и тѣмъ подготавливалъ почву для появленія у насъ такихъ западныхъ теченій, которыя для своего существованія уже не нуждаются въ утопизмѣ. И. С. Аксаковъ считалъ, что западно-европейскій социализмъ является логическимъ выводомъ изъ западно-европейской исторіи. На Западѣ социализмъ былъ, по его мнѣнію, у себя дома; социалисты—дѣтища всей современной цивилизаціи, а „въ Азіи дѣлать имъ нечего“. ¹⁾ Это было тоже неоспаримо. По скольку Россія оставалась „Азіей“ въ экономическомъ отношеніи, постольку одни утописты могли задумываться объ осуществленіи въ ней передовыхъ идеаловъ Запада. Но выдвигнутая И. С. Аксаковымъ программа устраняла „Азію“ и тѣмъ самымъ вырывала почву изъ подъ ногъ славянофильства.

Вотъ какъ зла была иронія исторіи нашего внутренняго раз-

¹⁾ „Русь“ отъ 15 марта 1883 г. Статья, изъ которой мы дѣлаемъ свои выписки, перепечатана во второмъ томѣ сочиненій И. С. Аксакова.

витія! *Славянофильство* расчищало почву для торжества чуждаго *утопій* западничества, выставляя программу, сближавшую насъ съ экономическомъ отношеніи,—съ „гнилымъ“ Западомъ!

Въ то время, когда со славянофилами воевалъ Чаадаевъ, до этого было, правда, еще далеко. Славянофильство вовсе еще не было заражено *капиталистическими* тенденціями, а западничество всѣхъ оттѣнковъ обѣими ногами стояло еще на почвѣ *утопій*. Только Бѣлинскій сдѣлалъ попытку выработать себѣ *научный* взглядъ на происхожденіе и свойства нашей дѣйствительности; только Бѣлинскій сознавалъ что *тризніе* дѣятельности должно основываться на *логикѣ* ея *собственнаго* *внутренняго* развитія. Но его попытка была осуждена на неудачу, вслѣдствіе полнаго недостатка данныхъ для правильнаго рѣшенія этого чрезвычайно важнаго вопроса ¹⁾. Тѣмъ не менѣе мы сочли полезнымъ отмѣтить здѣсь указанную иронію жизни, чтобы напомнить, какъ мало считалась эта жизнь съ тѣмъ, что хотѣлось „*свободно* *выбрать*“ тѣмъ или другимъ группамъ нашей интеллигенціи. У жизни была своя, *объективная*, логика. И если на ея, подчасъ ироническіе выводы вообще крайне слабо повліяла субъективная логика „интеллигентскихъ“ группъ, то уже совсѣмъ равно нулю было вліяніе на нее того элемента во взглядахъ Чаадаева, который характеризуется у г. Гершензона словами: „и здѣсь Богъ“. Мистицизмъ послужилъ Чаадаеву наркотическимъ средствомъ, отчасти уменьшавшимъ его нравственныя муки, ослаблявшимъ,—на время!—симптомы его, столь знакомой россійскому интеллигенту нравственной болѣзни *безнадежности въ борьбѣ съ общественнымъ зломъ*. Но онъ не пролилъ ни одного, рѣшительно ни единого луча на тотъ путь, который можетъ привести къ устраненію зла. Да и неспособенъ былъ пролить! По самой своей природѣ онъ могъ только затруднить открытіе этого пути, отвлекая вниманіе увлеченнаго имъ даровитаго человѣка въ сторону прямо противоположную той, въ которую слѣдовало обернуться. Западничество восторжествуетъ у насъ,—а отчасти *уже торжествуетъ malgré tout!*—не подъ знакомъ *мистицизма*, а подъ знакомъ *материализма*.

Въ заключеніе—еще одно маленькое замѣчаніе г. Гершензону. Онъ очень ошибается,—какъ ошибся нѣкогда и Пыпинъ,—считая „*Письма объ изученіи природы*“ Герцена *материалистическимъ* сочиненіемъ (стр. 187). *Loin de là!* И чтобы г. Гершензонъ могъ

¹⁾ Объ этомъ см. въ нашей статьѣ „*Бѣлинскій и разумная дѣйствительность*“ въ сборникѣ „*За двадцать лѣтъ*“.

убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно такъ, мы рекомендуемъ ему взять второй томъ заграничнаго изданія сочиненій Герцена, — этотъ томъ содержитъ въ себѣ, между прочимъ, „Письма объ изученіи природы“, — и почитать въ немъ страницы 259, 260, 282 и 292: онъ увидитъ, что Герценъ не былъ матеріалистомъ въ ту пору, когда писалъ, — *по Гегелю!* — названныя „письма“. Въ томъ же самомъ г. Гершензонъ можетъ убѣдиться и другимъ путемъ: перечитавши „Дневникъ“ Герцена, напечатанный въ первомъ томѣ того же изданія. Изъ „Дневника“ видно, что въ 1844 г., приступая къ своимъ „письмамъ“, Герценъ еще колебался между идеализмомъ и матеріализмомъ, *при чемъ былъ ближе къ первому, нежели ко второму*. О природѣ онъ такъ говоритъ тамъ: „Въ природѣ идея существуетъ тѣлесно, безсознательно, подчиненная закону необходимости и влеченіямъ темнымъ, не снятымъ свободнымъ разумѣніемъ“ (стр. 377). Пусть самъ г. Гершензонъ судитъ, матеріализмъ-ли это ¹⁾).

Пора намъ, наконецъ, получше познакомиться съ образомъ мыслей и съ исторіей умственнаго развитія нашихъ замѣчательныхъ людей.

Г. Плехановъ.

6

6

¹⁾ Благодаря неясности своей точки зрѣнія Герценъ, въ „Письмахъ объ изученіи природы“ говоритъ крайне неясно объ отношеніи мышленія къ бытію и этой своей неясностью заставляетъ вспоминать Юс. Дигена, въ философіи котораго рѣшительно не достаетъ яснаго пониманія этого предмета.